

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-285-299>

УДК 811.16

ББК 81 + Е 91

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. В. С. Ефимова
г. Москва, Россия

**О НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССАХ
ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА
ПЕРВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СЛАВЯН:
НЕСКОЛЬКОСЛОВНЫЕ НОМИНАЦИИ,
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ, ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ**

Аннотация: Старославянский язык создавался в узком элитарном кругу книжников и является литературным языком средневекового типа. Этим во многом обусловлены особенности его лексического инвентаря. Лексический фонд языка состоит не только из слов, но и несколькословных наименований, являющихся лексическими единицами-обозначениями. Способ номинации несколькословными наименованиями не был чужд славянской народной речи того времени, однако большая часть старославянских несколькословных наименований создавалась самими славянскими книжниками в процессе переводов (главным образом, с византийского греческого). Появление в старославянском лексиконе довольно большого количества фразеологических калек среди несколькословных наименований обусловлено необходимостью номинации понятий, связанных с принятием христианства и «средневековой энциклопедичностью». Неоднократное употребление книжниками фразеологической кальки в разных переводах приводило к фразеологизации этого словосочетания. Основным и определяющим свойством фразеологизмов автор полагает возможность извлечения их целиком из памяти носителем языка (в случае со старославянским языком, главным образом, книжником). Таким образом, старославянские фразеологизмы являются результатами процессов, которые могли происходить в языке как в течение веков, так и в эпоху первых славянских переводов, но результатами, с синхронной точки зрения уже встроенными в лексическую систему, готовую к использованию книжником. В этом принципиальное отличие понятия «фразеологическая калька» от понятия «фразеологизм».

Ключевые слова: старославянский язык, лексический инвентарь, несколькословные наименования, фразеологическое калькирование, фразеологизмы.

Информация об авторе: Валерия Сергеевна Ефимова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом славянского языкознания, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский проспект, д. 32А, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-5921-8475>

E-mail: valeriefimova@yandex.ru

Дата поступления статьи: 13.02.2023

Дата одобрения рецензентами: 15.03.2023

Дата публикации: 25.09.2023

Для цитирования: Ефимова В. С. О некоторых процессах при формировании лексического фонда первого литературного языка славян: несколькословные номинации, фразеологические кальки, фразеологизмы // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 285–299. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-285-299>

Признание старославянского языка первым славянским литературным языком имеет давнюю традицию в российской филологии [23, с. 11; 19, с. 32; 25, с. 34–52]. Согласно концепции акад. Н. И. Толстого, старославянский язык, существовавший во второй половине IX – начале XI вв., являлся начальным этапом общего для всех славян литературного древнеславянского языка [25, с. 34–52]. Вместе с тем конкретные исследования старославянского языка как литературного появились сравнительно недавно. Автор настоящей статьи вслед за Е. М. Верещагиным, внесшим весомый вклад в изучение старославянского языка именно как литературного [1, 2], продолжает его изучение в качестве литературного языка особого, средневекового, типа. Особенности старославянского языка во многом обусловлены тем, что он создавался узким элитарным кругом книжников по мере выполнения переводов (главным образом, с византийского греческого). Необходимо подчеркнуть, что это были переводы не только Св. Писания, но и довольно разнообразных юридических, агиографических, гимнографических, философских, естественнонаучных текстов. В процессе переводов книжниками создавался и лексический инвентарь, требуемый для передачи содержания таких произведений. Часть лексического инвентаря заимствовалась книжниками из народной славянской речи того времени (см., например: [6, с. 28–40]), но довольно много слов образовывалось самими книжниками. Количество лексики, являющейся результатом словотворчества книжников, различается в разных пластах старославянского лексического фонда¹. Старославянские несколькословные номинации в своем большинстве относятся к результатам словотворчества книжников.

Представление о том, что несколькословные наименования являются лексическими единицами и лексический фонд языка состоит как из «обычных» слов, так и из словосочетаний, восходит к идеям Ш. Балли, сформулированным уже более ста лет тому назад². В последние десятилетия прошлого века интерес к несколькословным номинациям возрос, причем возрос у лингвистов разных направлений — ономастического, формульного языка (*formulaic language*), в исследованиях по языковой экономии, компрессии и др. Принципиально важное, на наш взгляд, противопоставление несколькословных наименований, являющихся лексическими единицами и требующих фиксации в словарях в качестве единиц-обозначений, несколькословным наименованиям, являющимся единицами-описаниями (аналитическими дескрипциями), было предложено Е. С. Кубряковой [15]. Основания для идентификации встречающихся в древних славянских рукописях словосочетаний как несколькословных наименований разного типа были рассмотрены в ряде работ последних лет В. С. Ефимовой и В. Желязковой [11; 7, с. 66–70; 9, с. 55–57]. В этих работах было показано, что, учитывая особенность старославянского лексического инвентаря, создававшегося

¹ Ср., например, разный удельный вес «старой» и новой лексики в тезаурусных лексико-семантических группах и подгруппах старославянских наименований лиц [6, с. 194–196].

² Уже в труде 1909 г. «*Traité de stylistique française*» Ш. Балли предложил вполне разработанную концепцию учета словосочетаний в качестве лексических единиц и их классификацию [28, р. 66–87].

буквально в процессе переводов и, следовательно, включающего в себя большое количество окказионализмов, для идентификации старославянских несколькословных наименований в качестве лексических единиц можно полагаться только на единственный критерий: несколькословное наименование-обозначение (т. е. лексическая единица, требующая фиксации в словарях) должно номинировать один единственный лингвистический концепт. Поскольку при анализе старославянских текстов по большей части мы имеем дело с «конкретными» концептами, лингвистические концепты более традиционно можно было бы рассматривать как «стоящие за словами понятия» [3, с. 43–62]³. Соответственно, несколькословные наименования, номинирующие два (редко больше) лингвистических концепта, лексическими единицами считать не следует.

Видимо, лишь немногие несколькословные наименования в старославянском лексиконе заимствованы из народной славянской речи, однако они есть и свидетельствуют о том, что способ номинации несколькословными наименованиями не был чужд народной славянской речи того времени. В старославянских текстах можно найти несколькословные наименования, не обнаруживающие греческого влияния на их структуру, что говорит, как кажется, об их народном происхождении. Уже в евангельском тексте в Мт 9:2 и Мк 2:3 для перевода греч. *παραλυτικός* находим наименование ослабленъ(ьи) жилами. Вместе с тем в дальнейшем развертывании текста в обоих Евангелиях это наименование «теряет» свою вторую половину: в Мк 2:4 во всех старославянских кодексах используется *ослабленъин* (т. е. без жнлаамн), в Мт 9:2 *ослабленъ* (т. е. без жнлаамн) используется во второй части стиха, а в Саввиной книге наблюдается инновация *ослабленъ* (т. е. без жнлаамн) уже и в первой части стиха:

Καὶ ἰδοῦ, προσέφερον αὐτῷ *παραλυτικόν* ἐπὶ κλίνης βεβλημένον• καὶ ἰδὼν ὁ Ἰησοῦς τὴν πίστιν αὐτῶν εἶπεν τῷ *παραλυτικῷ*, Θάρσει, τέκνον•...⁴

— ι се прннесоша емоу *ослабленъ жнлаамн*. на одрѣ лежащъ . ι вндѣвъ ѿ вѣрж ихъ рече *ослабленому* — емоу . дръзан ѡдо ... (43; 46; 41)

— н агне прннесоша емоу *ослабена* на одрѣ лежаща . вндѣвъ же ѿ вѣрж ихъ . рече *ослабленому* надѣ се ѡдо ... (48).

Чем объяснить элиминирование второй части несколькословного наименования? Может быть, желанием переводчиков Евангелия (или редакторов, или даже писцов) приблизиться к греческому тексту?

Как известно, славянские книжники, особенно книжники Преславской школы письменности, стремились в переводах к возможно более точной передаче содержания греческих оригиналов. (ссылка не требуется!) Тем не менее, в ряде случаев можно наблюдать передачу *simplicia* несколькословными наименованиями, что свидетельствует, видимо, о самостоятельности последних (а, возможно, и об их принадлежности инвентарю народной славянской речи) и контекстной адекватности такого перевода. Так, например, в греческом оригинале Шестоднева, перевод которого был сделан в X в. Иоанном Экзархом Болгарским, многократно встречается слово *ἄμπελος*. Греч. *ἄμπελος* — слово очень частотное и довольно многозначное [33, р. 86; 32, р. 91]. В переводе Иоанна Экзарха на месте *ἄμπελος* наблюдаются следующие несколькословные

³ Мы называем концепт лингвистическим, имея в виду, что в человеческом мышлении «работают» не только концепты, которые могут быть вербализованы, и последние составляют лишь часть ментального лексикона человека. При всем многообразии подходов и множестве определений (лингвистического) концепта представителями разных школ и направлений, можно принять наиболее общее определение, что лингвистический концепт — это некая дискретная единица ментального лексикона носителя языка (см. [14, с. 90] и др.).

⁴ Греческий текст здесь и далее приводится по изданиям [37, 38, 27, 20, 30, 12].

наименования, сохранившиеся как в сербском списке 1263 г., так и в русских списках (начиная с XV в.)⁵:

ЛОЗА ВНННАА [53, л. 104d24; 53, л. 105a4; 54, л. 100a8; 54, л. 100a12; 54, л. 103b6];
 ВНННАА ЛОЗА [53, л. 108a16];
 ВНННОЕ ЛОЗЪЕ [54, л. 99b24; 54, л. 100a19; 54, л. 103a23];
 ГЪЖА ВНННАА [53, л. 193d9–10] — ГЪЖА ВННННЪНАА [54, л. 192b4];
 ВННННЪНЪН ГЪЖЪ [53, л. 41a13–14] — ВННННЪНЪН ГЪЖЪ [54, л. 42b4–5]⁶;
 ПЪНЪ ВНННЪНЪН [54, л. 192b22].

Если для перевода греч. ἄμπελος использовались несколькословные наименования, заимствованные, видимо, из народной славянской речи того времени⁷, то в некоторых случаях возникает предположение об их окказиональном образовании, т. е. непосредственно в процессе перевода. Так, в древнейшем сохранившемся списке Богословия Иоанна Экзарха (XII/XIII в.) находим перевод греч. δράκοντες словосочетанием лежѡгъи морьскѡнѡ:

Ἐξέγαγε δὲ ζῶα μικρά τε καὶ μεγάλα, κήτη, δράκοντας, ἰσχύας ἐν τοῖς ὕδασι βρποντας καὶ πετεινὰ πτερωτά.
 — нзведе жнвотъи, велнкъи н малъи, кнтъи, смокъи, лежѡгъи морьскѡнѡ, рѡбѡи въ водахъ смучнмъин н птнцѡ крнлатъи [42, л. 154b7–8].

Следует, видимо, признать, что здесь лежѡга морьскѡнѡ является несколькословным наименованием, номинирующим — как и δράκων в греческом оригинале — морского дракона (ядовитую рыбу). Впрочем, издатель Богословия, Линда Садник, на основании сопоставления более поздних списков пришла к заключению, что первоначальный текст имел вид кнтъи смокъи морьскѡнѡ, при этом лежѡгъи являлось поясняющим дополнением к слову кнтъи⁸. В таком случае, возможно, для перевода греч. δράκων Иоанном Экзархом было создано не наименование лежѡга морьскѡнѡ, а наименование смокъ морьскѡнѡ, тоже несколькословное⁹. Вряд ли возможно установить степень компе-

⁵ Собственно старославянские тексты, как известно, сохранились в более или менее поздних списках. (Не забудем, что и рукописи «старославянского канона» отстоят более чем на столетие от первоначального перевода.) Принципы использования лексики списков со старославянских протографов для получения адекватного представления о лексическом инвентаре старославянского языка были предложены в статье В. С. Ефимовой более двух десятилетий тому назад [5].

⁶ В болгарской рукописи Син-35 находим с внтъунааго грома вместо съ вннннънааго гръма [26, с. 141]. Видимо, была порча текста.

⁷ Лексика, связанная с развитием виноградарства на Балканах, рассматривается в этнолингвистическом исследовании О. Младеновой [34]. Об использовании общеслав. *loza для номинации Vitis vinifera см. в: [34, р. 28–29].

⁸ «Das Verhalten der Hss. legt nahe, daß urspr. kity smoky morьskyje stand und ležagy (ležasy) erklären Ergänzung zu kity war» [38, т. XIV, с. 63].

⁹ По мнению авторов Словаря русского языка XI–XVII вв., δράκων переводится словом смокъ [22, вып. 25, с. 199]. А. Вайан связывал слово *ležaga* (с суффиксом *-ag-*) со словом *ležaxū*, считая оба слова переводом греч. κήτος: «*ležaga* (J. Ex.) et *ležaxū* ..., traduisant κήτος ‘baleine’: ce qu’on explique par une interprétation fantaisiste du grec d’après κεῖται «il est couché», mais le mot était un nom de poisson rendant en slavon σέλαχος ‘raie», et cf. *ležen* ‘lotte» en russe dialectal» [39, р. 501]. В Шестодневе Иоанна Экзарха [53, л. 172a10–11; 53, л. 175a20; 53, л. 255b4; 54, л. 163b19; 54, л. 262a9] есть слово лежасн (мн. ч.), которому в подобранном греческом оригинале либо соответствия нет, либо оно соответствует греч. κήτος. Слово это, скорее всего, вариант слова лежѡга. Ср. также сходное образование с другим суффиксом *лежак* в русских диалектах, одно из значений которого — ‘рыба, обитающая на дне водоемов в песке или под камнями’ [21, вып. 16, с. 326].

тенции Иоанна Экзарха в вопросах ихтиологии, но, видимо, у него было представление о том, что именем δράκων в греческом оригинале называется морская ядовитая придонная рыба, и он использовал для создания несколькословной номинации славянское слово — либо лежяга, либо смокз.

Как уже упоминалось выше, мы исходим из положения, что лексическая единица, требующая фиксации в словарях, должна номинировать один единственный лингвистический концепт. Один лингвистический концепт номинируют старославянские несколькословные наименования, переводящие греческие simplicia. Помимо примеров с ἄμπελος и δράκων ср. также ἔλαιον — масло дръвѣноѣ [51, с. 291, 7] и дръвѣноѣ масло [53, л. 32b17], κρύσταλλον — ледз сътавз [53, л. 40a5], ὄροι — оуставн прѣдѣльннн [53, л. 3b3–4], ὑδατώδης — водьнаа твьрьдь [42, л. 121a9–10], ὁ ψαμμώδης — кран пѣсчѣаннн [42, л. 151a2] и др. Также один лингвистический концепт номинируют, как правило, несколькословные наименования, переводящие греческие композиты.

Уже В. Ягич в своем исследовании славянских композитов привел ряд примеров перевода греческих слов славянскими словосочетаниями: ὑδροπικρός — трждь водьныи имы; ὀπωροφυλάκιον — овощноѣ хранилище и овощию хранилище; νυκτικώραξ — ночьныи врань; χειροπέδη — ржчьныи оковь; νομοθετέω — законь положити; ὀδοποιέω — пжть сътворити; δίστομος — обожду острь; εὐκαιρία — благо врѣма и подобно врѣма; κληροδοτέω — по жрѣбию раздѣлити и др. [31, pp. 538–540]. При внимательном анализе эти славянские словосочетания оказываются различными и по способу образования, и по способам номинации. Большинство их образовано путем особого рода поморфемного калькирования, при котором компоненты греческого композита передаются отдельными славянскими словами. При калькировании композитов ὀπωροφυλάκιον, νυκτικώραξ, χειροπέδη, образованных по базовой структурной модели [основа-слово], первый компонент передается прилагательным; при калькировании композита δίστομος, образованного по базовой структурной модели [слово-слово], первый компонент передан также наречием; при калькировании глагольных композитов νομοθετεῖν, ὀδοποιεῖν, κληροδοτεῖν, образованных по базовым структурным моделям [основа-основа] и [основа-слово], первый компонент передан дополнениями¹⁰. Семантически калькирование в этих случаях довольно точное: в ὀπωροφυλάκιον первый компонент ὀπωρ- представляет собой основу сущ. ὀπώρα ‘плоды’, второй — сущ. φυλάκιον ‘сторожевой пост’, — ср. овощноѣ хранилище; в νυκτικώραξ первый компонент νυκτ- представляет собой основу сущ. νύξ ‘ночь’, второй — сущ. κόραξ ‘ворон’, — ср. ночьныи врань; в χειροπέδη первый компонент χειρ- представляет собой основу сущ. χεῖρ ‘рука, кисть руки’, второй — сущ. πέδη ‘оковы, цепи’, — ср. ржчьныи оковь; в δίστομος первый компонент δίς представляет собой наречие со значением ‘дважды, вдвойне’, второй — отглагольное прил. τομός (от τέμνειν) со значением ‘режущий, острый’, — ср. обожду острь; в глагольном композите νομοθετεῖν первый компонент νομο- представляет собой основу сущ. νόμος ‘закон’, второй — основу отглагольного прил. θετός (от τίθημι) со значением ‘установленный, положенный в основу’, — ср. законь положити; в глагольном композите ὀδοποιεῖν первый компонент ὀδο- представляет собой основу сущ. ὁδός ‘путь, дорога’, второй — глагол ποιεῖν ‘делать, создавать’, — ср. пжть сътворити; в глагольном композите κληροδοτεῖν первый компонент κληρ- представляет собой основу сущ. κλήρος ‘жребий’, второй — основу отглагольного прил. δοτέος (от δίδωμι) с семантикой ‘распределения’ (ср. δοτήρ ‘распределитель’), — ср. по по

¹⁰ О калькировании греческих композитов славянскими композитами и их моделях см. в статье В. С. Ефимовой [8].

жрѣбию раздѣлити. Несколькословное наименование жрѣдь водньи имы является, однако, «самостоятельным» наименованием, заимствованным, возможно, из народной славянской речи того времени, так как греческого слова не калькирует: ὕδρωτικός — образование от глагола ὕδρωτιᾶν ‘страдать водяной’ (отыменного, в свою очередь, от ὕδρωτία ‘водянка’). Что же касается способов номинации, то они также различаются. Как уже отмечалось в одной из статей В. С. Ефимовой, наименования овощнои хранилице, ношньи врань, законъ положити, пжть сътворити идиоматичны — постольку, поскольку их значения не выводятся из значений слов в этих словосочетаниях. Слово-сочетание же по жрѣбию раздѣлити представляет собой довольно редкий для старославянских текстов случай несовпадения сигнификатов греческого и старославянского словосочетаний: если в греческом глагол κληροδοτεῖν номинирует, видимо, один лингвистический концепт, то словосочетание по жрѣбию раздѣлити номинирует два лингвистических концепта: концепт «раздела» глаголом раздѣлити и — отдельно — концепт атрибута («как разделить») по жрѣбию [7, с. 65–77].

Передача греческих как *simplicia*, так и *composita* несколькословными наименованиями, номинирующими один лингвистический концепт, характерна не только для самых первых славянских переводов Евангелия и Псалтыри (а именно оттуда приводил примеры В. Ягич), но и для более поздних переводов. При этом во многих случаях совершенно очевидно, что эти несколькословные наименования создаются книжниками «с листа», буквально в процессе перевода. Например, если в Синайском евхологии *καταχθόνιον* переводится как *пѣнсподьнн землѣ* [44, л. 53b18], то в Супрасльской рукописи видим перевод *ἐκ τῶν καταχθονίων* как *отъ землѣ нсподьннхъ* [51, с. 317, 23]. В Шестодневе Иоанна Экзарха на небольшом пространстве текста на месте ὑπέρθυρον находим варианты *взышнн прагъ* [53, л. 45b7–8], *надъдвьрънзин прагъ* [53, л. 45c8–9; 53, л. 45c11–13], *горьнн прагъ* [53, л. 45c25–26; 53, л. 45d2–3], *прагъ горьнн* [53, л. 45c27], *врѣхьнн прагъ* [53, л. 45d5–6]. (Возможно, Иоанн Экзарх искал лучший вариант перевода?) Если в Евангелии *γεωργός* переводится просто *дѣлатель* (Л 20:16; И 15:1 и др.), то Иоанн Экзарх в Шестодневе «уточняет», учитывая первый компонент греческого композита: *земльнзин дѣлатель*: *τοῖς γεωργοῦσι* — *земльнзинмъ дѣлательмъ* [53, л. 3d8–9]¹¹. Согласно подсчетам болгарской исследовательницы Татьяны Илиевой, в тексте Богословия Иоанна Экзарха словосочетаниями переведены 53 греческих композита [13, с. 134]. Среди приведенных Илиевой примеров есть образцы довольно точной передачи семантики (но не всегда формальной структуры) компонентов греческих композитов славянскими словами: *θεόπνευστος* — *богомъ доуховьнъ* (ср. *πνευστός* “breathed” [32, p. 1106]), *δευτερονόμιον* — *взторын законъ*, *κυκλοφορικός* — *крѣгомъ носнмъ* (ср. *φορικός* ~ *φόρος*), *πρωτόμαρτυς* — *пръвын мжчєннхъ* и др. Но также есть среди них и примеры передачи семантики компонентов греческих композитов весьма приблизительно, «по смыслу»: *εὐκίνητος* — *скорѣ градын*, *κωνοειδής* — *яко н блюдо*.

Помимо несколькословных наименований, заимствованных книжниками из народной славянской речи или образованных путем поморфемного калькирования греческих композитов, в старославянских текстах употребляется довольно большое количество несколькословных наименований, образованных путем калькирования фразеологического. Фразеологическое калькирование в старославянском языке остается до сих пор совершенно неизученным явлением. Палеослависты руководствуются «пределно обобщающей» дефиницией старославянских фразеологических калек, данной

¹¹ Поморфемная калька-комполит *земледѣтя* появляется, видимо, еще позже. Находим ее, например, в списке XII в. Поучений Кирилла Иерусалимского [24, т. I, с. 971].

в свое время Нандором Молнаром в до сих пор пользующейся авторитетом монографии 1985 г. В ней старославянские фразеологические кальки определяются как словосочетания и фразы, возникающие путем калькирования словосочетаний и фраз языка-источника: «For reproducing foreign word groups and phrases by means of loan translation some word groups and phrases may be established in the adopting language as well. Betz presents them as “Lehnwendungen”, the English and French authors know as “phraseological loan translations”, “calques phraséologiques”. These solutions are well-applicable in English as *phraseological calques*» (курсив Молнара) [35, p. 66]. Поскольку наша статья посвящена изучению процессов, протекавших при формировании старославянского лексического фонда, нас будут интересовать фразеологические кальки, представляющие собой лексические единицы, и, согласно Молнару, речь в таком случае должна идти о фразеологическом калькировании словосочетаний. Как и следует ожидать, довольно большое количество фразеологических калек (как и других наименований) создавалось славянскими книжниками в связи с необходимостью номинации понятий, связанных с христианством и «средневековой энциклопедичностью»:

ἡ παλαιὰ διαθήκη — ветзкзи́н завѣтъ: τῆς παλαιᾶς διαθήκης — ветзхаго завѣта 2Кор 3:14 (52; 49; 47; 55; 50); τὴν παλαιὰν διαθήκην — ветзкзи́н завѣтъ [42, л. 264b6–7] и др.;
 ἡ ἅγια τριάς — свѣтаѧ тронца: ἡ ἅγια τριάς — ѿтаѧ трѣца [42, л. 245a4]; εἰς τὴν ἁγίαν τριάδα — въ ст҃ую трѣцю (42, л. 244b8); τῆς ἁγίας τριάδος — ѿтзи трѣца [42, л. 244b10] и др.;
 τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον — тьма вѣнѣшьняѧ: εἰς τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον — въ тьмѧ вѣнѣшьняѧ (53, л. 31b23–24);
 μικρὸς κόσμος — мала оутварь (человек) [42, л. 182a4–5];
 ἄρατος κόσμος — невнднмаѧ оутварь: τοῦ ἀράτου κόσμου — невнднмаѧ оутварь [53, л. 17b2–3] и др.

Греческая конструкция с Gen при этом часто заменялась «славянизированной» конструкцией с прилагательным:

ἡ τοῦ θεοῦ πρόνοια — вожи́н промзислз: τοῦ θεοῦ τὴν πρόνοιαν — б҃жи́н промзислз [42, л. 207a9]; τῆς τοῦ θεοῦ προνοίας — б҃жи́на промзисла [42, л. 212a5];
 τῶν ὑδάτων ἡ φύσις — водноѧ ҃стьство: τῶν ὑδάτων ἡ φύσις — водноѧ ҃стьство [53, л. 5d25–26]; τῶν ὑδάτων τὴν φύσιν — водноѧ ҃стьство [53, л. 6a7–8]; τὴν τῶν ὑδάτων φύσιν — водноѧ ҃стьство [42, л. 156b7–8].

Однако порядок слов при фразеологическом калькировании очень часто сохранялся:

τὸ πνεῦμα ἅγιον — доухъ свѣтзи́н: πνεύματι ἁγίῳ — д҃хомь ѿтзи́мь Мк 1:8 [43, 46, 41, 48]; πνεῦμα ἅγιον — д҃хъ ѿтзи́н (42, л. 268a6); διὰ πνεύματος ἁγίου — д҃хмь ѿтзи́нмь [42, л. 270a2–3] и др.,
 но τὸ ἅγιον πνεῦμα — свѣтзи́н доухъ: τοῦ ἁγίου πνεύματος — ѿтго д҃ха [42, л. 267b2];
 ὁ λόγος τοῦ θεοῦ — слово божи́е (45, л. 7c24); слово б҃жи́е [42, л. 225a9–225b1] и др.,
 но θεοῦ λόγος — божи́е слово: θεοῦ λόγος — б҃жи́е слово [42, л. 237b8];
 θεοῦ δύναμις — божи́на сна: б҃жи́на сна [42, л. 252a1]; διὰ τῆς τοῦ θεοῦ δυνάμεως — б҃жи́нею снлю [42, л. 252b3],
 но δύναμις θεοῦ — сна божи́на: δύναμις θεοῦ — сна б҃жи́на [42, л. 249a3].

Как видим, фразеологические кальки создавались славянскими книжниками буквально в процессе переводов, часто с сохранением греческого порядка слов. Следо-

вательно, старославянское фразеологическое калькирование (как и любое калькирование в старославянском языке) должно рассматриваться с позиции синхронии.

Однако неоднократное употребление книжниками фразеологической кальки при переводе разных произведений приводило к фразеологизации этого словосочетания. Со времен работ В. В. Виноградова 1946 и 1947 гг. среди фразеологизмов принято различать идиомы (фразеологические сращения) = *pure idioms*, фразеологические единства = *figurative idioms* и фразеологические сочетания = *restricted collocations* (см.: [4, с. 118–161; 29, р. 4–8; 36, р. 10] и др.)¹². Давая определение фразеологической единице, фразеологи обычно стараются охватить им все виды фразеологизмов¹³. При том, что старославянский лексический инвентарь содержит в себе фразеологизмы разной степени семантической спаянности (ср. приведенные выше примеры идиом *овощное хранннше, ношьнзн вранз, законз положнтн, пжь сьтворнтн*), фразеологизация фразеологических калек чаще давала фразеологизмы, относящиеся, согласно классификации В. В. Виноградова, к фразеологическим сочетаниям. При необходимости перевода греческого несколькословного наименования книжник не всегда калькировал его заново, а иногда использовал где-то встреченное им, уже созданное ранее путем фразеологического калькирования наименование, причем использовал путем извлечения его целиком из своей памяти. Это свойство фразеологизмов — возможность извлечения их целиком из памяти носителем языка — мы полагаем основным и определяющим свойством фразеологизмов. В этом смысле понятие «фразеологизмы» в нашем понимании близко к понятию «*prefabricated strings*» в теории формульного языка (*formulaic language*)¹⁴. Таким образом, применительно к старославянскому лексическому инвентарю фразеологизацию мы рассматриваем с позиции диахронии (как, видимо, следует ее рассматривать применительно к лексическому инвентарю и других языков). Фразеологизмы любой степени семантической спаянности являются результатами процессов, которые могли происходить в языке как в течение веков, так и в недавнее время, но результатами, с синхронной точки зрения уже встроенными в лексическую систему, готовую к использованию носителем языка (в нашем случае, главным образом, книжником). В этом принципиальное отличие понятия «фразеологическая калька» от понятия «фразеологизм».

Свидетельством фразеологизации фразеологической кальки служит употребление ее без поддержки греческого оригинала или в соответствии с греческим словосочетанием, отличным от того, с которого она калькировалась первоначально. Например, фразеологическая калька *мжка вѣчьнаѧ* первоначально калькировалась при переводе Евангелия с греч. ἡ κόλασις αἰώνιος:

¹² Существуют и другие концепции, использующие иную классификацию фразеологических единиц. В концепции К. Ничевой и ее единомышленников фразеологические сочетания (*restricted collocations*) соответствуют примерно «устойчивым словесным комплексам» или «устойчивым словосочетаниям» и не включаются в число фразеологизмов [17, с. 18–19; 219].

¹³ См., например, определение фразеологической единицы, данное ведущими отечественными фразеологами А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко в фундаментальной монографии 2011 г.: «мы определяем ФЕ (фразеологическую единицу. — В. Е.) как раздельно оформленную единицу языка, являющуюся устойчивым, полностью или частично семантически преобразованным и преимущественно экспрессивным сложным знаком» [16, с. 14].

¹⁴ Ср. определение *prefabricated strings*, данное одним из ведущих представителей этого направления Элисон Рэй: «Our working definition of the *formulaic sequence* will be as follows: *a sequence, continuous or discontinuous, of words or other elements, which is, or appears to be, prefabricated: that is, stored and retrieved whole from memory at the time of use, rather than being subject to generation or analysis by the language grammar*» (курсив Э. Рэй) [40, р. 9].

Μτ 25:46: Καὶ ἀπελεύσονται οὗτοι εἰς κόλασιν αἰώνιον•
— ѿдѣтъ сн вѣ мѣкѣ вѣчьнѣхъ [43, 46, 41, 48].

Использует фразеологическую кальку мѣка вѣчьнѣхъ при передаче греч. ἡ κόλασις αἰώνιος и Иоанн Экзарх в своем переводе Богословия:

διὸ τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς δαίμοσιν αὐτοῦ ἡτοίμασαι τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον καὶ ἡ κόλασις αἰώνιος.
— зане дыволоу н бѣсомъ емоу оуготовленъ есть огнь неогаснмъзи н мука вѣчьнѣхъ [42, л. 118b2].

Однако уже в том же Богословии Иоанну Экзарху требуется перевести греч. ἡ τιμωρία αἰώνιος, где τιμωρία — близкое по значению к κόλασις, но все же другое слово. Тем не менее Иоанн Экзарх использует уже готовое несколькословное наименование мѣка вѣчьнѣхъ, извлекая его из своей памяти. Т. е. использует уже сложившееся фразеологическое сочетание:

Γίνεται τοίνυν τοῖς πίστει ἀξίως μεταλαμβάνουσι εἰς ἄφεσιν ἀμαρτιῶν... τοῖς δὲ ἀπειθοῦσι καὶ κυριοκτόνοις εἰς κόλασιν καὶ τιμωρίαν αἰώνιον.
— боудетъ оубо нже вѣроу достоннѣ прннмоути наставленне (вм. оставленье) грѣховъ ... а ѡслушнвзймъ н гѣ оуморьшнмъ вѣ томленне н моукъ вѣчьноу. [42, л. 271b6].

Значительное место в старославянском лексическом инвентаре занимают также фразеологизмы, представляющие собой перифразы глаголов. На этот вид фразеологизмов (*les périphrases verbales*) обратил внимание уже Ш. Балли, выделив его среди фразеологических сочетаний (*séries phraséologiques*) [28, р. 66, 72–73]. В образовании старославянских фразеологизмов этого типа фразеологическое калькирование взаимодействовало, видимо, с моделями славянской народной речи того времени. В статье В. С. Ефимовой 2022 г. была предпринята попытка показать, что довольно многочисленными в евангельском и псалтырном тексте фразеологические сочетания с семантически недостаточными, требующими информативно восполняющих зависимых слов, глаголами творити и дѣяти калькировались в соответствии с существовавшей в народной славянской речи того времени моделью. Таким образом, и случаи передачи одного греческого глагола двумя славянскими словами фразеологического сочетания не обуславливаются — вопреки мнению А. М. Пентковского [18, с. 79] — влиянием латинского текста [10, с. 711–715].

То, что перифразы глаголов были присущи славянской народной речи того времени, подтверждается, как кажется, довольно широким распространением фразеологических сочетаний этого типа как с глаголами творити и дѣяти, так и с другими семантически недостаточными глаголами в более поздних, чем перевод Евангелия и Псалтыри, переводах. Особенно показательными являются случаи употребления таких фразеологизмов для перевода однословных греческих глаголов, т. е. без поддержки конструкции греческого оригинала. Ср., например:

ἔστιν ἰδεῖν, ὅταν οὗτος ἀφείξ τὰ νότια μέρη ἐπὶ τὰ βόρεια τρέχη, καὶ τὸ θέρος ἐργάζεται.
— вндѣти же естѣ н рѣкы ѡудѣюще. егда съ оставнвзъ южныя страны. на сѣверныя прнходнт н жетвоу творитъ. [53, л. 4a19–20];
οὐκ ἔτι γὰρ κακία καὶ ἀμαρτία πολιτεύεται· κολάζον δὲ ἀτελεύτητα
— не бо сѣ начьнетъ еще зълзи н грѣхъ творити. нъ мучнтѣ бес коньца. [42, л. 247b5];

Ἐγὼ γὰρ μόνος κάθημαι ὄδε διὰ πέντε ἔσθίων.

— азз бо єдннз съждѣ съде. пѣтын днь не вѣкоушаа брашно. [51, с. 170, 8].

В заключение отметим, что некоторая «запутанность», переплетение понятий «несколькословная номинация», «фразеологическая калька», «фразеологизм» в представлениях палеославистов связаны, на наш взгляд, с тем, что в ряде случаев одни и те же старославянские словосочетания могут быть классифицированы по разным основаниям: и как несколькословные номинации, и как фразеологические кальки, и как фразеологизмы. Например, словосочетание *нѣннн доухомь* является одновременно и несколькословным наименованием, и фразеологической калькой с *οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι* (Мт 5:3), и фразеологизмом. Однако в практике исследований старославянского языка возникает необходимость в терминологической определенности. Попытка определить границы этих понятий применительно к изучению старославянского лексического фонда и была предпринята в настоящей статье.

Список литературы

Исследования

- 1 *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М.: Мартис, 1997. 314 с.
- 2 *Верещагин Е. М.* Церковнославянская книжность на Руси: Лингвотекстологические разыскания. М.: Индрик, 2001. 608 с.
- 3 *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 509 с.
- 4 *Виноградов В. В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
- 5 *Ефимова В. С.* Проблема реконструкции лексического фонда старославянского языка // Славянский альманах 2001. М.: Индрик, 2002. С. 462–470.
- 6 *Ефимова В. С.* Наименования лиц в старославянском языке: Способы номинации и приоритеты выбора. М.: Институт славяноведения РАН; «Пробел-2000», 2011. 224 с.
- 7 *Ефимова В. С.* О границе между старославянскими лексическими единицами и словосочетаниями // Славянское и балканское языкознание: Палеославистика. М.: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2017. С. 60–80.
- 8 *Ефимова В. С.* О моделях старославянских композитов // *Palaeobulgarica*. 2020. Т. 44. № 1. С. 71–86.
- 9 *Ефимова В. С.* Некоторые соображения о старославянских номинациях субстантивированными причастиями // *Palaeobulgarica*. 2021. Т. 45. № 2. С. 49–64.
- 10 *Ефимова В. С.* Несколько вопросов к фразеологическому калькированию в старославянском языке // *Palaeobulgarica*. 2022. Vol. 46. № 4. Special edition. С. 705–721.
- 11 *Ефимова В. С., Желязкова В.* Несколькословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // *Palaeobulgarica*. 2014. Т. 38. № 3. С. 33–48.
- 12 *Заимов Й, Капалдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. София: Изд-во Болгарской академии наук, 1982. Т. 1. 564 с. София: Изд-во Болгарской академии наук, 1983. Т. 2. 603 с.

- 13 *Ильева Т.* Терминологичната лексика в Йоан-Екзархovia превод на «De Fide Orthodoxa». София: Печатница Славейков, 2013. 406 с.
- 14 *Кубрякова Е. С.* и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во филол. фак-та Московского государственного ун-та, 1996. 245 с.
- 15 *Кубрякова Е. С.* О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice: Wydawnictwo Gnome, 2000. P. 24–31.
- 16 *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Современная русская фразеология (семантика — структура — текст). Кострома: Изд-во Костромской государственной университет, 2011. 455 с.
- 17 *Ничева К.* Българска фразеология. София: Наука и изкуство, 1987. 246 с.
- 18 *Пентковский А.М.* Славянский перевод Евангелия и его использование в богослужении в IX (посл. треть) – XI вв. // *Наслеђе и стварање. Свети Ѓирило. Свети Сава: 869–1219–2019*. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2019. Т. 1. С. 73–152.
- 19 Пражский лингвистический кружок: сб. ст. / сост., ред. И предисл. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. 559 с.
- 20 Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073). София: Издателство Болгарской академии наук «Проф. Марин Дринов», 2015. Т. 3: Гръцки извори. 1243 с.
- 21 Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1980. Вып. 16. 376 с.
- 22 Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 2000. Вып. 25. 277 с.
- 23 *Соболевский А. И.* Древний церковно-славянский язык: Фонетика: Из лекций А. И. Соболевского, орд. проф. Имп. С.-Петербур. ун-та. М.: Унив. тип., 1891. IV + 153 с.
- 24 *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка: Репринтное издание. Т. I. М.: Книга, 1989. IX + 1419 + 50 с.
- 25 *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 237 с.
- 26 Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского: Ранняя русская редакция / изд. подг. Г. С. Баранкова. М.: «Индрик», 1998. 758+10 с.
- 27 *Aitzetmüller R.* Das Hexaameron des Exarchen Joannes / ed. monumentorum slavico-rum veteris dialecti. Graz: Akademische Druck-u, Verlagsanstalt, 1958. Т. I. XVII+370 S. Graz: Akademische Druck-u, Verlagsanstalt, 1960. Т. II. VII+388 S. Graz: Akademische Druck-u, Verlagsanstalt, 1961. Т. III. VII+414 S. Graz: Akademische Druck-u, Verlagsanstalt, 1968. Т. V. VII+403 S. Graz: Akademische Druck-u, Verlagsanstalt, 1971. Т. VI. VII+664 S.
- 28 *Bally Ch.* Traité de stylistique française. 2nd ed. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1921. Vol. 1. 331 p.
- 29 *Cowie A. P.* Introduction // *Phraseology: Theory, Analysis and Application*, Oxford: Clarendon Press, 1998. P. 1–20.
- 30 *Frček J.* Euchologium Sinaiticum / *Patrologia orientalis*. Paris: Firmin-Dirot et Cie, 1933. Т. XXIV. Fasc. 5. P. 636–801. Paris: Firmin-Dirot et Cie, 1939. Т. XXV. Fasc. 3. P. 490–615.
- 31 *Jagić V.* Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // *Archiv für slavische Philologie*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1898. Bd. 20. P. 516–556. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1899. Bd. 21. P. 28–43.

- 32 *Lampe G. W. H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1961. 1568 p.
- 33 *Liddell H. G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2362 p.
- 34 *Mladenova O.* Grapes and Wine in Balkans: An Ethno-Linguistic Study. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1998. 858 p.
- 35 *Molnár N.* The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien: Böhlau, 1985. 347 p.
- 36 *Pawley A.* Developments in the study of formulaic language since 1970: A personal view // Phraseology and culture in English / ed. P. Skandera. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2007. P. 3–45.
- 37 *Robinson M. A., Pierpont, W. G.* The New Testament in the original Greek: Byzantine Textform. Southborough, Mass.: Chilton Book Publishing, 2005. 587 p.
- 38 *Sadnik L.* Des Hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes / Monumenta linguae slavicae. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967. T. V. XXXVI + 322 p. Freiburg i. Br: U.W. Weiher, 1981. T. XIV. 412 p. Freiburg i. Br: U.W. Weiher, 1983. T. XVI. 302 p.
- 39 *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. Paris: Éditions Klincksieck, 1974. T. IV: La formation des noms. 790 p.
- 40 *Wray A.* Formulaic Language and the Lexicon. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. XI + 332 p.

Источники

- 41 Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
- 42 Богословие (Небеса) Иоанна Экзарха Болгарского, древнерусская рукопись XII/ XIII вв.
- 43 Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
- 44 Синайский евхологий, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
- 45 Изборник Святослава, древнерусская рукопись 1073 г.
- 46 Мариинское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
- 47 Охридский апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.
- 48 Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
- 49 Слепченский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.
- 50 Струмицкий апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.
- 51 Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.
- 52 Христинопольский апостол, древнерусская рукопись XII в.
- 53 Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, древнесербская рукопись 1263 г.
- 54 Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, русская рукопись XV в.
- 55 Шишатовский апостол, древнесербская рукопись 1324 г.

© 2023. Valeriya S. Efimova
Moscow, Russia

**ON SOME PROCESSES IN FORMING THE LEXICAL FUND
OF THE FIRST LITERARY LANGUAGE OF THE SLAVS:
MULTI-WORD NOMINATIONS, PHRASEOLOGICAL CALQUES,
PHRASEOLOGISMS**

Abstract: Old Church Slavonic language emerged in a narrow elite circle of bookmen. It is a literary language of the medieval type, and this fact in many respects determines the peculiarities of its lexical inventory. The lexical fund of the language consists not only of words but also of multi-word names, which are lexical units-designations. The method of nomination by multi-word names was not alien to the Slavic folk speech of the time, however, most of the Old Church Slavonic multi-word names were created by Slavic bookmen themselves in the translation process (mainly from Byzantine Greek). The appearance of quite a large number of phraseological calques with multi-word names in the Old Church Slavonic lexicon is due to the need of nominating concepts related to the adoption of Christianity and “medieval encyclopedism”. The repeated use by bookmen of phraseological calque in different translated works led to the phraseologization of this phraseological calque. The author assumes that the main and defining property of phraseologisms is the possibility of extracting them entirely by a native speaker from his memory (in the case of the Old Church Slavonic language, mainly by a bookman). Thus, Old Church Slavonic phraseologisms are the results of processes that could take place in the language both over the centuries and in the period of the first Slavic translations but from a synchronous point of view, these results are already built into the lexical system, ready for use by a bookman. This is the fundamental difference between “phraseological calque” and “phraseologism”.

Keywords: Old Church Slavonic Language, Lexical Inventory, Multi-word Names, Phraseological Calquing, Phraseologisms.

Information about the author: Valeriya S. Efimova — DSc in Philology, Leading Researcher, Head of the Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. Leninsky Ave. 32A, 119991 Moscow. Russia.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5921-8475>

E-mail: valeriefimova@yandex.ru

Received: February 13, 2023

Approved after reviewing: March 15, 2023

Date of publication: September 25, 2023

For citation: Efimova, V. S. “On Some Processes in Forming the Lexical Fund of the First Literary Language of the Slavs: Multi-word Nominations, Phraseological Calques, Phraseologisms.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 69, 2023, pp. 285–299. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-285-299>

References

- 1 Vereshchagin, E. M. *Istoriia vozniknoveniia drevnego obshcheslavianskogo literaturnogo iazyka: Perevodcheskaia deiatel'nost' Kirilla i Mefodiia i ikh uchenikov*

- [*The History of the Origin of the Ancient Common Slavic Literary Language: The Translation Activities of Cyril and Methodius and their Students*]. Moscow, Martis Publ., 1997. 314 p. (In Russ.)
- 2 Vereshchagin, E. M. *Tserkovnoslavianskaiaknizhnost' na Rusi: Lingvotekstologicheskiye razyskaniia* [*Church Slavonic Booklore in Russia: Linguo-textological Research*]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 608 p. (In Russ.)
 - 3 Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. *Iazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskije kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapijentemy* [*Language and Culture: Three Linguistic and Cultural Conceptions: Lexical Background, Speech-behavioral Tactics and Sapientema*]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 509 p. (In Russ.)
 - 4 Vinogradov, V. V. *Izbrannyje trudy: Leksikologija i leksikografiia* [*Selected Works: Lexicology and Lexicography*]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 312 p. (In Russ.)
 - 5 Efimova, V. S. "Problema rekonstruktsii leksicheskogo fonda staroslavianskogo iazyka" ["The Issue of Reconstruction of the Old Church Slavonic Lexical Fund"]. *Slavianskii al'manakh 2001* [Slavic almanac.]. Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 462–470. (In Russ.)
 - 6 Efimova, V. S. *Naimenovaniia lits v staroslavianskom iazyke: Sposoby nominatsii i prioritety vybora* [*Names of Persons in the Old Church Slavonic Language: Methods of Nomination and Priorities of Selection*]. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Publ.; "Probel-2000" Publ., 2011. 224 p. (In Russ.)
 - 7 Efimova, V. S. "O granitse mezhdu staroslavianskimi leksicheskimi jedinitami i slovosochetaniiami" ["On the Border between Old Church Slavonic Lexical Units and Phrases"]. *Slavianskoje i balkanskoje iazykoznanije: Paleoslavistika* [*Slavic and Balkan Linguistics: Palaeoslavistics*]. Moscow, Institute of Slavic Studies RAN Publ.; Polimedia Publ., 2017, pp. 60–80. (In Russ.)
 - 8 Efimova, V. S. "O modeliakh staroslavianskikh kompozitov" ["On the Models of Old Church Slavonic Compounds"]. *Palaeobulgarica*, vol. 44, no. 1, 2020, pp. 71–86. (In Russ.)
 - 9 Efimova, V. S. "Nekotoryje soobrazheniia o staroslavianskikh nominatsiiax substantivirovannyimi prichastiiami" ["Some Considerations on Old Church Slavonic Nominations through Substantivized Participles"]. *Palaeobulgarica*, vol. 45, no. 2, 2021, pp. 49–64. (In Russ.)
 - 10 Efimova, V. S. "Neskol'ko voprosov k frazeologicheskomu kal'kirovaniu v staroslavianskom iazyke" ["Several Questions to Phraseological Calquing in the Old Church Slavonic Language"]. *Palaeobulgarica*, vol. 46, no. 4, 2022, Special Edition, pp. 705–721. (In Russ.)
 - 11 Efimova, V. S., Zhelyazkova, V. "Neskol'koslovnyje nominatsii lits v drevneishikh slavianskikh rukopisiakh" ["Multi-word Nominations for Persons in the Oldest Slavonic Manuscripts"]. *Palaeobulgarica*, vol. 38, no. 3, 2014, pp. 33–48. (In Russ.)
 - 12 Zaimov, J., Kapaldo, M. *Suprasalski ili Retkov sbornik*, vol. 1–2. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1982–1983. 564+603 p. (In Bulgarian)
 - 13 Ilijeva, T. *Terminologichnata leksika v Ioan-Jekzarkhoviia prevod na "De Fide Orthodoxa"*. Sofia, Pechatnitsa Slaveikov Publ, 2013. 406 p. (In Bulgarian)
 - 14 Kubryakova, E. S. and other *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [*A Concise Dictionary of Cognitive Terms*]. Moscow, Moscow State University Publ., 1996. 245 p. (In Russ.)

- 15 Kubryakova, E. S. “O raznostrukturnykh jedinitсах nominatsii i meste proizvodnogo slova sredi etikh jedinitсах” [“On the Different Structural Units of the Nomination and the Place of the Derived Word among These Units”]. *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji [Word-formation and Other Methods of Nomination]*. Katowice, Wydawnictwo Gnome Publ., 2000, pp. 24–31. (In Russ.)
- 16 Melerovich, A. M., Mokijenko, V. M. *Sovremennaia russkaia frazeologija (semantika — struktura — tekst) [Modern Russian Phraseology (Semantics — Structure — Text)]*. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2011. 455 p. (In Russ.)
- 17 Nicheva, K. *Balgarska frazeologija*. Sofia, Nauka i izkustvo Publ., 1987. 246 p. (In Bulgarian)
- 18 Pentkovskij, A. M. “Slavianskii perevod Evangelija i ego ispol'zovanie v bogoslužhenii v IX (posl. tret') – XI vv.” [“Slavonic Translation of the Gospel and its Liturgical Use between the Last Third of the 9th and the 11th Century”]. *Nasledije i stvaranije. Sveti Kirilo. Sveti Sava: 869–1219–2019 [Heritage and Creation. Saint Ciril. Saint Sava: 869–1219–2019]*, Vol. 1. Beograd, Institute of the Serbian Language of the Serbian Academy of Sciences Publ., 2019, pp. 73–152. (In Russ.)
- 19 Kondrashova, N. A., editor *Pražskii lingvističeskii kružok: Sbornik statei [Prague Linguistic Circle: Collection of Articles]*. Moscow, Progress Publ., 1967. 559 p. (In Russ.)
- 20 *Simeonov sbornik (po Svetoslavoviia prepis ot 1073)*, vol. 3: Gratski izvori. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences “Prof. Marin Drinov” Publ., 2015. 1243 p. (In Bulgarian)
- 21 *Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Folk Dialects]*, issue 16. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 376 p. (In Russ.)
- 22 *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language 11th – 17th Centuries]*, issue 25. Moscow, Nauka Publ., 2000. 277 p. (In Russ.)
- 23 Sobolevskii, A. I. *Drevnii tserkovno-slavianskii iazyk: Fonetika: Iz leksii A. I. Sobolevskogo, ord. profesora Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta [The Old Church Slavonic Language: Phonetics: from the Lectures of A. I. Sobolevsky, Ord. Professor of the Imperial St. Petersburg University]*. Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1891. IV + 153 p. (In Russ.)
- 24 Sreznevskii, I. I. *Slovar' drevnerusskogo iazyka: Reprintnoje izdanije [Old Russian Dictionary: Reprint Edition]*, Vol. I. Moscow, Kniga Publ., 1989. IX + 1419 + 50 p. (In Russ.)
- 25 Tolstoj, N. I. *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov [History and Structure of Slavic Literary Languages]*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 237 p. (In Russ.)
- 26 Barankova G. S., Editor *Shestodnev Ioanna ekzarkha Bolgarskogo. Ranniaia russkaia redaktsiia [John Exarch of Bulgaria's Shestodnev: Early Russian Version]*. Moscow, Indrik Publ., 1998. 758 + 10 p. (In Russ.)
- 27 Aitzetmüller, Rudolf. “Das Hexaameron des Exarchen Joannes.” *Editiones monumentorum slavieorum veteris dialecti*. Graz, Akademische Druck-u, Verlagsanstalt Publ., 1958. Vol. I. XVII+370 p. Graz, Akademische Druck-u, Verlagsanstalt Publ., 1960. Vol. II. VII+388 p. Graz, Akademische Druck-u, Verlagsanstalt Publ., 1961. Vol. III. VII+414 p. Graz, Akademische Druck-u, Verlagsanstalt Publ., 1968. Vol. V. VII+403 p. Graz, Akademische Druck-u, Verlagsanstalt Publ., 1971. Vol. VI. VII+664 p. (In German)
- 28 Bally, Charles. *Traité de stylistique française*, Vol. 1, 2nd ed. Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung Publ., 1921. 331 p. (In French)

- 29 Cowie, Anthony P. "Introduction." *Phraseology: Theory, Analysis and Application*. Oxford, Clarendon Press, 1998, pp. 1–20. (In English)
- 30 Frček, Jean. "Euchologium Sinaiticum." *Patrologia orientalis*. Paris, Firmin-Dirot et Cie Publ., 1933, Vol. XXIV, Issue 5, pp. 636–801. Paris, Firmin-Dirot et Cie Publ., 1939, vol. XXV, issue 3, pp. 490–615. (In French)
- 31 Jagić, Vatroslav. "Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten." *Archiv für slavische Philologie*. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung Publ., 1898, Vol. 20, pp. 516–556. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung Publ., 1899, vol. 21, pp. 28–43. (In German)
- 32 Lampe, Geoffrey. W. H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, Clarendon Press, 1961. 1568 p. (In English)
- 33 Liddell, Henry George, Scott, Robert. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, Clarendon Press, 1996. 2362 p. (In English)
- 34 Mladenova, Olga. *Grapes and Wine in Balkans: An Ethno-Linguistic Study*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 1998. 858 p. (In English)
- 35 Molnár, Nandor. *The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices*. Köln, Wien, Böhlau Publ., 1985. 347 p. (In English)
- 36 Pawley, Andrew. "Developments in the Study of Formulaic Language Since 1970: A Personal view." *Phraseology and Culture in English*, ed. Paul Skandera. Berlin, New York, Mouton de Gruyter Publ., 2007, pp. 3–45. (In English)
- 37 Robinson, Maurice A., Pierpont, William G. *The New Testament in the Original Greek: Byzantine Textform*. Southborough, Mass., Chilton Book Publ., 2005. 587 p. (In English)
- 38 Sadnik, Linda. "Des Hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes." *Monumenta linguae slavicae*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Publ., 1967. Vol. V. XXXVI + 322 p. Freiburg i. Br, U. W. Weiher Publ., 1981. Vol. XIV. 412 p. Freiburg i. Br, U.W. Weiher Publ., 1983. Vol. XVI. 302 p. (In German)
- 39 Vaillant, André. *Grammaire comparée des langues slaves*, Vol. IV: La formation des noms. Paris, Éditions Klincksieck Publ., 1974. 790 p. (In French)
- 40 Wray, Alison. *Formulaic Language and the Lexicon*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. XI + 332 p. (In English)